

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

22 июня 1956 г. на заседании Ученого совета Института состоялась защита кандидатом филол. наук, членом-корр. АН СССР Б. А. Серебренниковым диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тема диссертации «Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и вожжской групп».

В кратком вступительном слове диссертант охарактеризовал основные проблемы, решению которых посвящено исследование. Это, с одной стороны, вопросы, относящиеся к категориям времени и вида, и, с другой, вопросы, связанные с взаимодействием финно-угорских и тюркских языков в Волго-Камском бассейне.

Тема диссертации является мало разработанной и трудной. В результате критического анализа всей отечественной и зарубежной литературы, относящейся к теме, на основе изучения большого фактического материала, автор пришел к выводам, вносящим ясность в представление о видо-временной системе исследуемых языков.

Из пяти глав диссертации первые четыре посвящены вопросам времени и вида в каждом из исследуемых языков. В первой главе рассматривается коми-зырянский язык, как язык, не подвергшийся влиянию тюркских языков, затем — близкородственный ему удмуртский, далее — типологически более близкий к пермским языкам марийский и, наконец, мордовский язык, занимающий среди них особое положение.

Одним из наиболее сложных вопросов грамматики пермских и удмуртского языков является вопрос о сущности «прошедшего неочевидного» (или второго прошедшего времени). К решению его необходимо подойти с исторической точки зрения. Прошедшее неочевидное в пермских языках образовано на базе так называемого *м*-ового причастия, которое выражает результат действия. Следовательно, это время могло быть по своему значению только перфектом. Со временем перфект, сохраняя старое значение, получил дополнительное модальное значение неочевидности. (Возможность развития этого оттенка на основе перфектного значения подтверждается историей многих языков: грузинского, персидского, латышского, эстонского, финского и др.). Это привело к созданию ряда прошедших времен абсентива, включающих форму 3-го лица единственного числа перфекта вспомогательного глагола «быть» (коми *былм*, удм. *вылм*). Диссертант пришел к выводу о необходимости выделения особого наклонения неочевидности (или абсентива) в пермских, а также в марийском языках, где перфект, плюсквамперфект и прошедшее длительное имеют параллельные формы абсентива.

Другой спорный вопрос — наличие в пермских языках аналитических прошедших времен, обозначающих длительное действие; ср. марийск. *каем ыле*, коми *муна воли* «я шел» и т. д. В диссертации доказывается, что рассматриваемые образования представляют собой аналитические времена, а не простые аналоги русских аналитических конструкций типа *иду*, *бывало*. Во-первых, они не совпадают по значению с русскими модальными конструкциями с частицей *бывало*; во-вторых, в пермских языках аналитическая конструкция более спаяна и буквальное значение ее компонентов утрачено.

В диссертации установлено количество времен в каждом из исследуемых языков, выявлено их значение и употребление.

Исследование показало, что система глагольных времен в марийском языке почти точно повторяет систему глагольных времен в пермских языках. В отличие от пермских языков, второе прошедшее время способно здесь обозначать длительное действие в прошлом, как и аналогичное время чувашского языка.

В диссертации сделана попытка решить вопрос о происхождении двух форм первого прошедшего времени в марийском языке: содержащих элемент *-ш-* и не имеющих его. Эти формы диссертант связывает не с причастием на *-шо*, а с элементом *-с-* в окончаниях третьего лица единственного и множественного числа в коми языке, где этот элемент отсутствует у некоторых непереходных глаголов. Очевидно, это *-с-* некогда было признаком переходности действия в ряде финно-угорских языков.

Мордовский язык сильно отличается от пермских и марийского, так как он не был существенно затронут влиянием тюркских языков и сохранил некоторые архаические черты. В диссертации исследуется значение настоящего, первого прошедшего, второго прошедшего (или продленно-прошедшего) и будущего времени в этом языке.

При исследовании проблемы глагольного вида в рассматриваемых языках диссертанта не удовлетворили как установки зарубежных финно-угроведов, совершенно отрицающих наличие видов в этих языках, так и положения ряда отечественных финно-угроведов, считающих показателем вида любой глагольный суффикс с видовым значением, хотя бы и крайне непродуктивный и редкий. Не могли его полностью удовлетворить и современные теории глагольного вида.

По утверждению диссертанта, видом может быть названа любая характеристика глагольного действия, независимо от ее принадлежности к аспекту или акционсарту, поскольку выражение особенности протекания действия является одним из самых существенных признаков вида. Важно лишь, чтобы средства грамматического выражения вида имели всеобщее распространение. Если показатель вида способен присоединяться только к ограниченному количеству глагольных основ — это видовой класс.

Единственным действенным средством, способным разрешить в какой-то мере проблему глагольного вида в финно-угорских и тюркских языках, является классификация показателей с видовым значением, основанная на учете их распространенности.

Как показало исследование, судьба древних видовых классов была различна в разных финно-угорских языках. В коми языке оформились четыре вида (многократный, дистрибутивный, рефлексивный и уменьшительный) и сохранились остатки некоторых видовых классов. В удмуртском, который, как и марийский, испытывал влияние тюркских языков, полностью оформился только один вид — многократный. В марийском имеются лишь видовые классы, суффиксы которых уже непродуктивны. В мордовском (эрзянском) существует один видовой класс с суффиксом *-кино (-кши)*, почти сформировавшийся в многократный вид. Остальные суффиксы непродуктивны. Диссертант отмечает, что вместе с тем в ряде указанных языков возникли новые средства выражения видовых значений. Таковы формы прошедшего длительного в коми-эзянском, удмуртском и марийском языках, имеющие значение многократности, и классы сложных глаголов в марийском языке, образовавшиеся под влиянием чувашского языка.

Последняя глава диссертации целиком посвящена вопросам взаимодействия финно-угорских и тюркских языков Волго-Камья. Диссертант при выяснении влияния видо-временных систем одних языков на другие не ограничился сопоставлением только этих систем. Типологическое сходство может быть случайным явлением, если не будет отдельным звеном в целом ряде других типологических сходств рассматриваемых языков.

Выявляя связи между марийским и чувашским языками, Б. А. Серебренников указывает на ряд черт, связывающих марийский язык не только с чувашским языком, но также с пермскими и мордовским, а также выясняет связи удмуртского языка с татарским. Он отмечает, что в Волго-Камском ареале существуют и групповые однотипные явления, захватывающие ряд языков (не только два, смежных по территории), причем обнаруживает зоны наибольшего сгущения изоглоссов (марийский, чувашский и татарский языки) и зоны изоглоссного затухания (мордовский и части коми). В диссертации определены некоторые общие зональные черты, присущие всем языкам Волго-Камья (ср., например, однотипную схему прошедших времен, характерную для всех финно-угорских, кроме мордовского, и для тюркских языков этого ареала).

Таким образом, Б. А. Серебренников устанавливает факт наличия в районе Волго-Камья особой языковой зоны, подобной языковым зонам Балканского полуострова, Кавказа, Средней Азии и Прибалтики. Этот ареал представляет исключительный интерес с точки зрения изучения различных процессов языкового взаимодействия.

Как подчеркнул в заключение диссертант, немаловажным объектом сравнения могут быть не только звуки и формы, но и семантика форм родственных языков. Очень важно и сравнение значений форм неродственных языков, смежных по территории или входящих в одну языковую зону, а также изучение структурных изотипов.

Официальный оппонент доктор филол. наук проф. Тартуского университета, действ. член Академии наук Эстонской ССР П. А. Аристе приветствовал обращение диссертанта к глаголу — наиболее сложной грамматической категории в финно-угорских языках, особенно в языках пермской и волжской групп, глубокое изучение которых было бы невозможно без привлечения взаимодействовавших с ними тюркских языков Волго-Камского ареала.

Очень интересна, по мнению оппонента, теория автора о существовании некогда так называемых волго-окских языков, оставивших субстрат в пермских и волжских языках. Хотя эта теория и нуждается в дополнительных исследованиях, несомненно, что в финно-угорских языках (как и в прибалтийско-финских) имеются очень древние, главным образом лексические, элементы, которые не являются финно-угорскими.

П. А. Аристе отметил правильность определения сущности времен и трактовки вида в финно-угорских языках и сделал несколько частных замечаний. Он особенно подчеркнул важность критики диссертантом ошибочных и псевдонаучных теорий, искажавших представление о развитии ряда финно-угорских языков. В заключение оппо-

неут выразил пожелание о скорейшем опубликовании Б. А. Серебренниковым своего труда, который должен учесть каждый финно-угровед в СССР и за границей.

Официальный оппонент доктор филол. наук проф. В. И. Лыткин указал, что до сих пор специальных исследований по исторической грамматике мордовских и марийского языков было очень немного, по пермским же языкам их совсем нет. Поэтому появление кандидатского труда, посвященного сложным и актуальным проблемам четырех финно-угорских языков, является настоящим событием в финно-угроведении.

В. И. Лыткин остановился на нескольких важнейших моментах содержания диссертации. Он согласился с автором в понимании грамматической категории вообще и грамматической категории вида, в частности. Он отметил далее в работе диссертанта богатство фактического материала, тончайшие наблюдения в отношении видовых и временных значений глагольных форм, позволившие Б. А. Серебренникову обнаружить новые явления в рассматриваемых грамматических категориях.

В. И. Лыткин указал, что в диссертации много новых оригинальных положений, касающихся генезиса форм времен и наклонений волжских и пермских языков. Так, путем сравнительного изучения марийского и пермских языков диссертант пришел к выводу, представляющему подлинное открытие, — относительно происхождения показателя *s*-огого претерита в коми языке. Правильны и интересны выводы о позднем формировании простого будущего в коми языке, о глагольных видах пермских и волжских языков (различение видов и видовых классов и т. д.).

В результате тщательного исследования Б. А. Серебренников приходит к обоснованному выводу о судьбе видовых классов в рассматриваемых языках и устанавливает вместе с тем общую тенденцию — отмиранию видовых классов в этих языках.

Обратившись к последней главе диссертации, В. И. Лыткин подчеркнул, что факт установления сходства между языками разных семейств уже сам по себе представляет большую научную ценность — независимо от того, как объясняется происхождение этого явления. В заключение он отметил, что, в сущности, в диссертации Б. А. Серебренникова поставлены три проблемы, каждая из которых могла бы явиться самостоятельной темой докторской диссертации: 1) времена и виды в пермских языках, 2) времена и виды в волжских языках финно-угорской семьи и 3) взаимовлияние финно-угорских и тюркских языков Волго-Камья.

Третий официальный оппонент доктор филол. наук проф. П. С. Кузнецов подробно остановился на ряде затронутых диссертантом общих вопросов, касающихся грамматических категорий времени и вида, и на вопросах языкового взаимодействия.

П. С. Кузнецов указал, что в последней главе поднимается важный вопрос: в какой мере типологическое сходство может быть случайным и в какой мере оно может сложиться в процессе взаимодействия. Существенно, что диссертант привлекает не только интересующие его формы, но и самые разнообразные лексические, грамматические и фонетические факты, обращается и к топонимике и тем самым обнаруживает, что типологическое сходство исследуемых языков не является случайностью.

П. С. Кузнецов разослал с диссертантом в трактовке некоторых спорных вопросов современного языкознания, относящихся к теории вида. Он признал неудачным подразделение на виды и видовые классы, поскольку различие между ними чисто количественное, а не принципиальное: те и другие — словообразовательные категории, остающиеся за пределами грамматики. Вид может быть отнесен к грамматическим категориям лишь в тех языках, где он связан со временем. Поэтому о грамматической категории вида в финно-угорских языках, по мнению П. С. Кузнецова, говорить нельзя. Можно говорить лишь о различных словообразовательных типах.

В целом работа, как подчеркнул оппонент, свидетельствуя о широчайшем лингвистическом кругозоре автора, полностью удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторской диссертации и несомненно заслуживает опубликования.

С замечаниями по отдельным положениям, высказанным в автореферате, выступили неофициальные оппоненты: мл. науч. сотрудник Института востоковедения АН СССР Н. А. Сыромиятников, а также зав. сектором языка Удмуртского НИИ канд. филол. наук П. Н. Перевощиков и канд. филол. наук Т. И. Тепляшина, подчеркнувшие не только теоретическую, но и практическую ценность исследования Б. А. Серебренникова. Положительная оценка метода, применяемого диссертантом, была дана в кратком отзыве на автореферат, присланном венгерским ученым Д. Р. Фокош-Фукс. Поступил отзыв из Чувашского НИИ языка, литературы и истории, подписанный зам. директора Чувашского НИИ канд. истор. наук В. Дмитриевым, зав. сектором языка канд. филол. наук И. Павловым и научн. сотрудником Института Н. Романовым. Там, в частности, указывалось, что выводы, касающиеся вопроса о наличии категории вида в финно-угорских языках, приемлемы и для тюркских языков.

В заключительном слове диссертант дал исчерпывающие ответы на возражения и вопросы оппонентов.

Ученый совет Института языкознания АН СССР единогласно присудил Б. А. Серебренникову искомую степень доктора филологических наук.

Н. П. Зверковская